

Крики в Законодательном юане едва не сорвали крышу конференц-зала.

Окрестности трибуны были до отказа забиты сплошной людской массой, повсюду развевались разноцветные полотна с протестными лозунгами, а термосы, папки с бюджетами и пластиковые файлы описывали в воздухе бесчисленные хаотичные дуги, с громким треском ударяясь о защитную сетку.

Чжань Сюйтань стоял в самомпреди, облаченный в безупречно сшитый темно-синий костюм. Одной рукой он придерживал микрофон и, сыпля аргументами как из рога изобилия, яростно клеймил позором неразумный саботаж со стороны оппозиционного лагеря. Будучи опытным депутатом, который переизбирался уже несколько сроков подряд и собаку съел на политической кухне, Чжань Сюйтань воспринимал подобные драки и потасовки лишь как заурядное развлечение после сытного обеда.

— Те, кто выступает против этого законопроекта, имейте смелость выйти сюда и высказаться в открытую! Что вы за мужики такие, раз устраиваете бойкот заседаний с помощью подобных насильственных методов? — Голос Чжань Сюйтаня, усиленный мощными динамиками, заставил гудеть весь зал, и его властный напор мгновенно подавил членов оппозиционной партии, попытавшихся прорваться к трибуне.

Однако не успел он договорить, как за спиной произошло непредвиденное. Потерявший управление ботинок пролетел мимо цели, а следом в суматошной толкоты кто-то из горесоратников изо всех сил толкнул соседа. Стоявшая на высоком металлическом стеллаже толстенная, насчитывающая несколько тысяч страниц книга «Шесть кодексов» рухнула вниз и угодила прямо — тютельница в тютельку — Чжань Сюйтаню по затылку.

Волна резкого головокружения накатила мгновенно, ослепительные вспышки фотовспышек и какофония бранных криков растворились в едином миг.

Прежде чем Чжань Сюйтань закрыл глаза и потерял сознание, в его голове мелькнула лишь одна предельно ясная мысль:

Какого чорга! Я же горбатился больше полугода, с таким трудом выбил преимущество в соцопросах, и теперь, даже не дожив до собственных поздравлений с переизбранием, отправляюсь прямиком в неотложку — какое же обидное попадание!

Когда к нему вновь вернулось сознание, до слуха донеслись вовсе не пронзительный вой машины скорой помощи и не тревожные оклики помощника.

Вокруг царила какая-то жуткая, неестественная тишина, сквозь которую едва улавливались самые слабые звуки дыхания, пропитанные насквозь искусственно сдерживаемым страхом.

Кончик носа щекотал легкий аромат агарового дерева и невероятно дорогой серой амбры, а под спиной чувствовалось что-то холодное и твердое, что явно не походило на больничную

койку. Чжань Сюйтань потер занывшие виски и медленно приоткрыл глаза. Первое, что попало ему на взоры, — это гигантские золоченые колонны с вырезанными пятипалыми драконами, уходящие прямо под потолок тронного зала.

— Погодите-ка.

— Разве я не в Законодательном юане?

Взгляд Чжань Сюитаня стремительно скользнул по всему огромному залу.

Император, чиновники высших рангов и военачальники, парадные одежды, нефритовые ступени...

Каждая деталь выглядела до жути правдоподобно, ничуть не напоминая театральную постановку.

— ...Регент?

Едва эта мысль промелькнула в голове, как в нее мощным потоком хлынули чужие воспоминания.

— Черт.

— Seriously, что ли?

— Я еще переизбрание выиграть не успел, а тут уже и смена династии подоспела?

— Дядюшка... Ваша Светлость? По вашему мнению, как именно следует выделить серебро на ликвидацию наводнения в Цзянбэй?

Спереди и сверху раздался тонкий, заметно дрожащий голос какого-то юноши.

Чжань Сюйтань моргнул, и его зрение постепенно сфокусировалось. Он обнаружил, что стоит в самом центре роскошного, поражающего воображение древнего тронного зала. Под ногами лежал толстый красный ковер из Западного края, а когда он опустил глаза на себя, то заметил, что прежний деловой костюм куда-то исчез, уступив место роскошному одеянию в черно-красных тонах, расшитому золотыми нитями с четырехпалыми свирепыми питонами. В правой руке он крепко сжимал гладкое жадеитовое жуи.

В этот момент мозг пронзила острая боль, и бесчисленные чужие, но предельно четкие воспоминания хлынули потоком.

Династия Великая Ся.

Регент, Чжань Сюйтань.

Человек, чья власть простиралась над всем двором, отличался жестоким нравом и единолично решал любые вопросы в правительстве.

Нынешнее же положение дел было донельзя опасным: на поверхности он казался всемогущим, но на деле влиятельные аристократические кланы только и ждали удобного момента, а гражданские чиновники и военные поголовно замыслили объединиться для его импичмента. Сам прежний владелец тела планировал устроить на сегодняшней утренней аудиенции настоящую бойню: бросить в темницы всех зачинщиков, выступивших против Новой политики, и подавить инакомыслие самыми жестокими методами.

— Интересно.

Чжань Сюйтань поднял левую руку и кончиками пальцев легко провел по аккуратно подстриженной короткой бородке с легкой щетиной, обрамлявшей его подбородок.

Будучи старым лисом, который много лет крутился в современной политике и повидал всевозможные бури и дележки интересов, Чжань Сюйтань мгновенно оценил обстановку.

Дворцовые интриги? Борьба за престол? Рукоприкладство?

Нет, по мнению современного политика, подобные методы решения вопросов с помощью оружия и кровопролития были слишком грубыми и сулили бесконечные проблемы в будущем.

Раз уж воля небес забросила его в это место, он преподаст этой закостенелой древней бюрократии урок понижения уровня с помощью реформ современных институтов.

— Дядюшка?

Заметив, что регент долго не отвечает, маленький император на драконьем троне побелел как полотно, а его хрупкое тельце задрожало под просторными императорскими одеждами цвета золота.

По обе стороны зала бесчисленные глаза украдкой косились на этого пользующегося дурной славой вельможу; каждый затаил дыхание в ожидании разразившейся бури.

И тут в зловещей тишине внезапно прозвучал холодный, звенящий, словно нефрит, голос, в котором не было ни капли страха, но каждый звук падал весомо:

— Ваш покорный слуга, помощник министра финансов Хэ Чанвэй, выдвигает обвинение против регента Чжань Сюйтаня! За присвоение государственных средств, создание клик, продажность, продвижение вредоносных законов и причинение страдания стране и народу!

Чжань Сюйтань приподнял бровь и обернулся на голос.

В самом центре тронного зала стоял молодой человек в чиновничьих одеждах цвета цинь.

На вид ему было около двадцати четырех лет, фигура его отличалась стройностью зимнего бамбука, а копна черных волос была аккуратно собрана под белой нефритовой короной. Его брови и глаза казались необычайно тонкими и чистыми, неся на себе печать той особой горделивой холодности, что свойственна книжникам. В данный момент Хэ Чанвэй обеими руками высоко держал мемориал с обвинениями, его спина была выпрямлена стрункой, а в глубине глаз плясали искорки решимости идти до конца — казалось, он был готов к тому, что его прямо здесь бросят в небесную тюрьму.

Взгляд Чжань Сюйтаня на мгновение задержался на его лице.

Тонкие черты, холодность, негибачаемый внутренний стержень.

Хотя перед ним стоял всего лишь молодой чиновник лет двадцати четырех, среди полчищ сановников он держался так, будто не отступил бы ни на шаг.

Неудивительно, что прежний хозяин тела ненавидел его до глубины души.

Такого человека, если не удастся переманить на свою сторону, можно лишь превратить в самого опасного врага.

И как на грех — обладал лицом, от которого невозможно отвести глаз, и норовом, который не согнешь ни при каких обстоятельствах.

Чжань Сюйтань мысленно усмехнулся.

Жаль только...

Язык слишком упрямый.

— О?

Чжань Сюйтань вовсе не разгневался, напротив, с живым интересом разглядывая этого ученого чиновника из партии чистых.

Хэ Чанвэй, помощник министра финансов, слыл в столице непреклонным гордецом. Он только и делал, что дни напролет выступал при дворе с резкой критикой, едва ли не добиваясь того, чтобы утащить регента с собой в могилу.

Умри здесь прежний владелец тела, голова Хэ Чанвэя, пожалуй, уже покатила бы с плеч, а то и весь его род пошел бы под нож.

Но теперь на тронном возвышении стоял искушенный в интригах господин депутат Чжань, мастерски умевший играть оппонентами перед камерами и в стенах парламента.

Вместо того чтобы звать стражу войти в зал, Чжань Сюитань неторопливо убрал нефритовое жуи в рукав, сделал широкий шаг и начал неспешно спускаться по белым нефритовым ступеням.

Не подавление, а переговоры.

Придворные испуганно подались назад, и лишь Хэ Чанвэй не сдвинулся с места ни на дюйм, холодно встречая пронзительный взгляд Чжань Сюитаня.

Чжань Сюитань остановился в трех шагах от Хэ Чанвэя.

В их росте была небольшая разница, и давящая аура высокого, крепкого регента мгновенно накрыла юного чиновника в зеленом халате.

— Господин Хэ, вы только что во все услышание заявили, будто я сколотил клику для личных выгод и насильно насаждаю вредные законы? — Чжань Сюитань слегка наклонил голову, уголки его губ тронула еле заметная усмешка, а голос прозвучал низко.

— Именно так! — Хэ Чанвэй вскинул подбородок, и его звонкий голос разнесся по всему залу: — Наводнение в Цзянбэй оставило без крова миллионы простолюдинов. Ван же упрямо настаивает на изменении законов предков, насильно проталкивая так называемый Закон о реорганизации бюджета, чтобы под этим предлогом расставлять своих людей и разворовывать средства для пострадавших! Если это не создание клики из корыстных побуждений, то что же тогда?

— Что ж, я принимаю ваш запрос на интерпелляцию.

Едва эти слова сорвались с губ Чжань Сюитаня, как по залу прокатился гул изумления.

Интерпелляция? Что это за термин такой?

Хэ Чанвэй тоже на мгновение растерялся: тщательно подготовленная пламенная речь и все его

напыщенные аргументы застряли в горле, и он какое-то время просто не знал, что ответить.

Чжань Сюйтань не дал Хэ Чанвэю перевести дух и, сверкнув глазами, прямо посреди тронного зала обрушил на него лавину встречных вопросов и морального давления:

— Господин Хэ, вы так печетесь о простом народе Цзянбэй. Тогда ответьте мне: в прошлом месяце, когда в Цзянбэй случился потоп, Министерство финансов изначально выделило триста тысяч лянов серебра. Какая часть из них в конце концов дошла до самих пострадавших?

Хэ Чанвэй нахмурился и, выдержав этот исполненный тяжелого давления взгляд, сквозь зубы ответил:

— Средства проходят через множество инстанций, в пути неизбежно происходят некоторые потери...

— Некоторые потери? Да это же целых шестьдесят процентов!

Чжань Сюйтань резко повысил голос, так что задрожали балки на потолке:

— Шестьдесят процентов помощи разворовывают по пути через все ступени старой системы! Простые люди едят глину и пьют мутную воду! Ваши коллеги-чиновники, полные высоких мыслей из конфуцианских книг, способны лишь строчить в столице пресненские пасквили да обвинять меня при дворе. Но кто из вас хоть раз соизволил съездить в грязь Цзянбэй и посмотреть на страдания народа своими глазами?!

— То, что я намерен изменить сейчас, — это порядок выделения средств! Это создание системы контроля с целевым использованием бюджета! Чтобы серебро шло не через алчных чинуш-посредников, а напрямую в руки мастеров и простолюдинов!

Чжань Сюйтань шагнул вперед, и его мощная энергетика заставила Хэ Чанвэя отступить на полшага.

— Вы обвиняете меня в кумовстве. Но если это позволит избавить миллион жителей Цзянбэй от холода и голода, пусть так — я готов сколотить такую клику!

— Вы заявляете, что я проталкиваю вредный закон?

Чжань Сюйтань окинул взглядом сановников, говоря ровным и уверенным тоном.

— Хорошо, я признаю: реформы никогда не бывают по вкусу абсолютно всем.

— Но раз старый уклад больше не способен спасти народ, а закостенелые правила защищают интересы лишь горстки людей, кто-то должен найти в себе смелость все изменить.

— Я готов выслушать обвинения, стерпеть критику и принять суд потомков.

— Но я не могу смириться с тем, что, зная о страданиях людей, мы делаем вид, будто в Поднебесной царит благополучие, лишь бы никого не обидеть.

— Эту ответственность я беру на себя.

Взгляд Чжань Сюйтаня снова обратился на Хэ Чанвэя.

— Вы утверждаете, что я создаю клику?

— Если это избавит миллион жителей Цзянбэй от голода и холода, пусть так — я согласен на эту клику!

— Вы говорите, что я насаждаю вредный закон?

— Если это разрушит бесполезные предрассудки и заставит императорский двор по-настоящему работать для людей, пусть меня клеймят позором, я вынесу и это!

Чжань Сюйтань сделал еще один шаг вперед.

— Господин Хэ, ваше имя — Чжань, и помыслы ваши устремлены к Поднебесной. Неужели ваш хваленый талант государственного мужа годится лишь на то, чтобы выискивать соринки в моих глазах при дворе, и вы в упор не видите криков о помощи на земле Цзянбэй?

Каждое слово било точно в цель, разило наповал, словно клинок.

Чжань Сюйтань впервые применил в этом незнакомом тронном зале те навыки ведения переговоров, управления общественным мнением и продвижения повесточки, которые годами оттачивал на политической арене.

Хэ Чанвэй, только что выступавший в роли защитника справедливости, в один миг оказался заклеямен как пустой болтун, подрывающий государство и наплевавший на нужды народа.

Его прекрасное бледное лицо залилось болезненным румянцем от предельного шока и унижения. Губы Хэ Чанвэя были крепко сжаты, а чистые глаза наполнились абсолютным неверием.

С каких пор этот всеобщий враг и продажный сановник стал настолько красноречив и логичен? К тому же каждое его слово попадало прямо в уязвимые точки, не оставляя ни малейшего шанса на возражение!

В тронном зале стояла такая тишина, что было слышно, как падает иголка.

Все чиновники разинули рты, с ужасом наблюдая за этой беспрецедентной перепалкой в сердце империи.

Видя перед собой молодого ученого чиновника, который от собственного бессилия едва дышал и чьи глаза слегка покраснели, Чжань Сюйтань невольно погладил подбородок, ощущая легкое покалывание щетины, и мысленно усмехнулся.

Похоже, с сегодняшнего дня в застывшей династии Великая Ся начнет крутая перемена.

Будучи помощником министра финансов, Хэ Чанвэй всегда славился при дворе быстротой мысли и остротой языка. Но сейчас перед лицом пулеметной очереди вопросов от Чжань Сюитаня он на какое-то время лишился дара речи.

Памфлеты с обвинениями, что втайне составляла фракция чистых чиновников, неизменно изображали регента всемогущим злодеем, который подмял под себя все рычаги власти и расставил повсюду своих людей. Кто бы мог подумать, что вместо угроз и демонстрации силы противник сегодня использует невиданные ранее аргументы о благе народа и точные цифры, ловко переложив все обвинения обратно на плечи честных книжников.

— Раз уж господин Хэ заговорил о потерях, — Чжань Сюйтань взмахнул широким рукавом, и черно-красные одежды рассекли воздух решительным взмахом, а его голос слегка повысился: — Средства, проходящие через Министерство финансов, обираются на каждом шагу, грабя народ до нитки, и до простых людей доходит едва ли сотая часть. Закон о реорганизации бюджета, который я продвигаю сегодня, призван выставить каждый грош на свет божий и подвергнуть совместной проверке со стороны сановников и даже самого простого народа. Если вы, господин, действительно радуете за страну и свободны от корысти, почему же вы так отчаянно сопротивляетесь столь благотворному закону, что служит на пользу государству и народу?

Хэ Чанвэй глубоко вздохнул, его грудь тяжело вздымалась, пока он пытался успокоить растревоженные слова оппонента мысли. Зеленый халат слегка колыхался от легкого сквозняка в зале, спина оставалась прямой, как стрела, и он холодно парировал:

— Ваша Светлость сколько угодно может распинаться о проверке счетов, но по новому закону вся полнота власти по утверждению выплат переходит в Резиденцию регента! Разве после этого распределение казны не превратится в личную кубышку одного лишь князя? Перешагнуть через Министерство финансов и государя, вершить дела единолично — если этот закон пройдет, где тогда окажутся государственные устои? Где правила долга между монархом и подданными?

— Что лучше удержит реки — правила или свод законов? Породили ли ритуалы зерно?

Чжань Сюйтань холодно усмехнулся, шагнул обратно к белым нефритовым ступеням и с высоты своего положения окинул взглядом сановников:

— Простые люди в Цзянбэй ждут серебра, чтобы починить дамбы и купить семена. Каждая лишняя чиновничья инстанция, каждая дополнительная печать отнимают у них полмесяца или декаду. Дожди не станут ждать, а наводнение не отступит из-за ваших рассуждений о долге государя и подданного! Я сокращаю процедуру утверждения ради того, чтобы вырвать жизни у небес! Если из-за следования сложным предписаниям прорвет дамбы Цзянбэй и начнется бедствие, господин Хэ — вы возьмете на себя ответственность или закроете прорыв телами тех самых чистых книжников, которые умеют лишь марать бумагу?

По обе стороны тронного зала консервативные чиновники, еще мгновение назад готовые дружно поддержать Хэ Чанвэй, поспешно опустили головы, опасаясь привлечь к себе внимание этого внушающего трепет регента.

Хэ Чанвэй до боли сжал кулаки в рукавах, а костяшки его пальцев побелели от избытка сил. Стоявший перед ним регент казался сущим бесстыдником и демагогом, но каждое его слово попадало точно в больные точки народа и моральные высоты, не оставляя человеку пространства для отступления.

Маленький император на драконьем троне, видя, как ситуация внизу полностью перешла под контроль регента, втянул голову в плечи и не смел даже громко дышать.

Чжань Сюйтань смотрел на покрасневшего молодого ученого мужа с влажными от обиды глазами и испытывал какое-то невыразимое облегчение. После половины жизни споров с оппозиционными партиями в современном Законодательном юане опускать эту древнюю интеллигенцию до своего уровня оказалось проще пареной репы.

— Впрочем, — смягчил тон Чжань Сюйтань, добавив в голос нотку игривости, — я никогда не любил действовать напролом. Раз уж господин Хэ имеет возражения против закона о реорганизации бюджета, давайте сыграем по новым правилам.

— По новым правилам? — Хэ Чанвэй подавил гнев, впившись в него холодным взглядом.

— С завтрашнего дня я намерен провести в Резиденции регента Общественные слушания по бюджету. Чиновники министерства финансов, ремесленники из министерства общественных работ или известные столичные торговцы — каждый сможет прийти и высказаться, чтобы совместно обсудить способ распределения средств для Цзянбэй. Господин Хэ, вы, как помощник министра финансов, лучше всех разбираетесь в финансовых отчетах, и я лично жалею вам право участвовать от начала и до конца. Если возникнут вопросы — можете обсуждать их со мной пункт за пунктом прямо на собрании, как вам такое?

Общественные слушания? Обсуждать пункт за пунктом?

Придворные переглянулись: они совершенно не понимали значения этих странных новых терминов.

Хэ Чанвэй тоже нахмурился. Интуиция подсказывала ему, что это очередная ловушка Чжань Сюйтаня, но раз уж тот зашел так далеко, отказ означал бы лишь одно — признание в том, что он боится истины и горазд лишь на пустые слова.

— Слушаюсь... ваш приказ.

Хэ Чанвэй стиснул зубы, а его голос прозвучал холодно, как лед. Даже если придется шагнуть в пасть дракона, ради казны и хребта Великой Ся он обязан пойти на этот риск.

— Прекрасно. Аудиенция окончена!

Чжань Сюйтань взмахнул широкими рукавами, не удостоив императора на троне даже мимолетным взглядом, и широким шагом направился вглубь залов.

Напряжение в Зале Тайцзи после окончания аудиенции наконец спало, и чиновники группками принялись бурно обсуждать сегодняшнее странное поведение регента.

Хэ Чанвэй одиноко стоял в центре тронного зала, провожая взглядом высокую черно-красную фигуру, исчезнувшую за дверями боковой пристройки, и на сердце у него было тяжело. Казалось бы, верное дело импичмента было в два счета разрушено противником, который к тому же насильно впряг его в свою колесницу.

Тем временем Чжань Сюйтань уже вернулся в кабинет своей резиденции.

Отослав прислуживавшую прислугу, он без всякого почтения рухнул в кресло тайши, покрытое мягким мехом лисицы, и лениво дернул за сложную завязку на воротнике.

— Фу... Уморился до смерти. Это одеяние весит фунтов десять не меньше. Как прежний хозяин вообще умудрялся таскать на себе эту хр... эту тяжесть на каждое заседание?

Бормоча под нос, Чжань Сюйтань нашарил на письменном столе небольшое бронзовое зеркальце.

С гладкой поверхности на него глядело мужественное, зрелое лицо мужчины чуть за тридцать. Глубокий разрез глаз, высокий нос и аккуратно подстриженная короткая борода вокруг подбородка действительно добавляли образу весомости и нетерпимого к возражениям властного величия.

Чжань Сюйтань подушечками пальцев потрогал щетину на губах, чувствуя себя немного неуютно. В бытность звездным депутатом в современном мире он каждое утро гладко брил лицо, с чего бы ему отращивать стандартный набор древнего чиновника среднего возраста?

— Ладно, по крайней мере с ней я выгляжу более проницательным, хоть олдскульные лисы с первого раза не раскусят.

Чжань Сюйтань отложил зеркальце и с усмешкой покачал головой.

Следом его взгляд упал на стопку срочных депеш, аккуратно разложенных на столе.

Наводнение в Цзянбэй, захват власти аристократией, нехватка жалованья в местных гарнизонах... Династия Великая Ся только казалась могущественной, а на деле изнутри сгнила дотла. Если не провести коренных и решительных реформ, в пару лет эта прекрасная страна затрещит по швам.

— Раз уж переизбрание сорвалось, а меня черт знает как занесло сюда, придется оставить после себя хоть какой-то след.

В глазах Чжань Сюитаня мелькнул острый блеск — боевой дух, закаленный в бесчисленных предвыборных баталиях и схватках за законопроекты.

— Хэ Чанвэй...

Кончики пальцев Чжань Сюитаня легонько застучали по крышке стола, а в памяти вновь всплыло то холодное, гордое и красивое лицо из тронного зала.

По-настоящему его зацепила не столько незаурядная внешность парня, сколько то, что, прекрасно осознавая, кто стоит перед ним, тот всё равно осмелился выкатить все свои претензии прямо в лицо монаршим особам и сановникам.

Подобные чиновники старой закалки, чьи принципы не стерла государственная машина, встречались при дворе нечасто.

Хэ Чанвэй, возможно, упрям, излишне строг и порой лишен гибкости.

Но именно поэтому он столь ценен.

На политическом поле легче всего потерять принципы, и труднее всего сыскать того, кто все еще готов их отстаивать.

Если направить его энергию в нужное русло, этот человек вполне может стать самым надежным попутчиком на тернистом пути реформ.

— Маленький упрямец, завтра переступишь порог моей резиденции — и тебе уже не удастся сказать нет.

Уголки губ Чжань Сюйтаня изогнулись в хищной лисьей улыбке, после чего он взял кисть и размашисто вывел на чистом листе бумаги три крепких иероглифа:

□Общественные слушания□

<http://bllate.org/book/20997/2134882>